

ДОЛИ СЕКУНДЫ

СТОРОЖЕВАЯ ПТИЦА СМОТРИТ

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

Эдуард Сероусов

Доли секунды

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Доли секунды / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Над Лазурным проливом давно нет войны: две зеркальные оборонные сети держат хрупкий мир, принимая решения о жизни и смерти за сорок миллисекунд. Офицер доверия Нора Адель сама годами строила и защищала эту архитектуру: машина чище человека, `override` — лишь формальная виза. На двенадцатом часу тихой смены Нора подписывает не глядя жёлтый ромб над научным дроном — и через долю секунды две сети, видя друг в друге нападающего, методично гасят флот в проливе. Командирский `override` не работает: провод никогда не был подключён. До удара по метрополиям — восемь минут. Повесть о цене скорости, о доверии вслепую и об одной кнопке, которая никогда никуда не вела.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Сорок миллисекунд	5
Часть 2. Никто не отдавал приказа	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Эдуард Сероусов

Доли секунды

Часть 1. Сорок миллисекунд

Сорок миллисекунд.

Столько «Часовому» требовалось, чтобы прочесть небо над Лазурным проливом, взвесить тринадцать тысяч переменных и решить, что борт, вывалившийся из коридора в семистах километрах к юго-востоку, — пассажирский лайнер с отказавшим транспондером, а не то, чем он мог оказаться.

Сорок миллисекунд. Человек за это время не успевал моргнуть.

Нора Адель стояла перед тактической сферой и смотрела, как машина работает. Сфера висела посреди зала «Меридиана» — трёхметровый пузырь холодного синего света, в котором плавал кусок планеты: пролив, побережья двух материков, нитки судоходных коридоров, рассыпь меток. Восточный борт мигал жёлтым уже четыре секунды. Целую вечность.

Нора знала, что в эту секунду делает «Часовой», хотя видеть этого не могла: ни один человек не успел бы. Машина брала отражённый сигнал заглохшего транспондера, сравнивала тепловой профиль двигателей с библиотекой из сорока тысяч сигнатур, прикидывала массу по инерции разворота, накладывала траекторию на расписание гражданских рейсов, на погоду, на десять тысяч прошлых случаев, когда борт сбивался с коридора и оказывался ровно тем, чем казался, — испуганными людьми, которые сами не знали, что заблудились. Она делала всё это так, как человек делает вдох: не выбирая, не напрягаясь, просто потому что так устроена. И где-то на дне этой безупречной арифметики не было ни одной строки, которая знала бы, что внутри борта — люди. Для машины там были не люди. Там была вероятность.

— Сигнатура двигателя гражданская, — сказал Тас, не отрывая глаз от своей панели. Голос у него был ровный, но стилус в пальцах щёлкал не переставая, колпачком о ноготь, тик-тик-тик. — Масса гражданская. Профиль набора высоты... тоже. Но транспондер мёртв, и он лезет в запретный сектор. Если он не выправится за...

— Знаю, — сказала Нора.

— «Часовой» уже считает?

— «Часовой» уже посчитал. Просто решил тебе пока не мешать паниковать.

Жёлтая метка стала зелёной. По краю сферы пробежала тонкая строка: контакт классифицирован — гражданский — пассажирский — отклонение от коридора — рекомендация: сопровождение, уведомление диспетчера. И всё. Никакого огня. Никакой тревоги. Машина прочитала испуганный борт с отказавшей электроникой, поняла — если это можно назвать «поняла», — что бить тут не по кому, и пропустила его жить дальше, и тут же забыла о нём, освободив свои контуры под следующую тысячу решений.

Тас выдохнул. Стилус замер.

— Сорок миллисекунд, — сказала Нора. Она произнесла это тихо, почти про себя, как произносят символ веры. — Ты успел задать мне вопрос. Я успела тебе ответить. А «Часовой» за это время уже всё решил, проверил себя трижды и забыл. Где-то там, в борту, четверста человек, которые так и не узнают, что секунду назад чья-то машина решала, людьми они полетят дальше или обломками. Вот почему в проливных городах спят спокойно. Потому что решает не тот, кто может испугаться.

— А если бы она ошиблась?

Нора хотела сказать что-то лёгкое. «Она не ошибается». Но Тас задал вопрос не из тех, что задают для разговора, — он смотрел на погасший контакт, и лицо у него было слишком молодое и слишком серьёзное.

— Если бы это был не лайнер, его бы уже не было, — сказала она. — И никто из тех, кто внизу, ничего бы не заметил. В этом и весь смысл.

— Я не про это, офицер. — Тас наконец повернулся. Ему было двадцать четыре. Он пришёл на «Меридиан», когда «Часовой» уже три года держал пролив, и за всю службу ни разу не сидел «в петле» — не одобрял решение на огонь своей рукой, не нёс его на своих плечах. Его учили надзирать. Только надзирать. — Я про то, что если бы она ошиблась — я бы не понял. Я смотрю на сферу двенадцатый час. Если она вместо лайнера увидит удар и ответит, я узнаю об этом из той же зелёной строчки, что и сейчас. Постфактум. Я не контролирую её. Я смотрю кино про то, как она работает, и называю это дежурством.

В зале стало на полтона тише — или это Норе показалось.

Когда-то, очень давно, ей сказали почти теми же словами совсем другое. Человек, чьё имя она запретила себе вспоминать, говорил ей на учениях: самое опасное — не сигнал, который понятен. Самое опасное — сигнал, который можно прочесть двумя способами. А машина, говорил он, прочтает его быстрее тебя и будет идеально права, потому что у неё нет того, что есть у тебя, — она не умеет усомниться. Тогда Нора смеялась. Машина не путала страх с данными, и в этом была её чистота.

— Она не ошибается, — сказала Нора Тасу. Это была её работа — так говорить, и она знала, как сказать это, чтобы поверили. — А ты — офицер доверия Альянса. Запомни, что это значит. Не «офицер надзора». Доверия. Когда-то это была настоящая должность: человек, который решал, чему машина имеет право верить, а чему — нет. Мы — последняя инстанция здравого смысла над контуром.

Она сама услышала, как пусто это прозвучало в зале, где никто уже годы не решал ничего, что машина не решила бы за сорок миллисекунд. Но Тас кивнул, цепляясь за слова как за поручень, и Нора не стала отнимать у него поручень.

На её консоли, в нижнем левом углу, под прозрачной плёнкой, был приклеен детский рисунок. Серая клякса с двумя круглыми глазами и растопыренными чёрточками крыльев нависала над синей загогулиной, которая обозначала море. Внизу печатными буквами, заваливающимися вправо: «СТОРОЖЕВАЯ ПТИЦА СМОТРИТ». Нора, не думая, провела большим пальцем по краю плёнки. Жест был старый, вьёвшийся. Она делала так, когда в зале становилось слишком тихо.

В зале было тихо.

Смена шла шестой час, и шла она так, как шли все смены на «Меридиане»: ничего не происходило, потому что не должно было, потому что всё, что могло бы произойти, происходило и заканчивалось быстрее, чем человек успевал об этом узнать. Командный пост Альянса, врытый в скалу над северным берегом пролива, дышал ровным машинным гулом — климат, серверы, чьи-то шаги по верхнему ярусу, далёкий лязг гермодвери. Двадцать операторов на трёх кольцах. Все смотрели на свои куски синего света. Никто никого не торопил. Здесь не торопились по определению: торопиться было нечем.

Нора отошла к нише за вторым кольцом, где связь не мешала залу, и тронула гарнитуру. Личный канал полагалось открывать только в перерыв, но на тихой смене на это смотрели сквозь пальцы, а у Норы было правило, от которого она не отступала ни разу за два года: один раз за дежурство она звонила за воду.

— Кейр, — сказала она. — Личный канал.

Щёлкнуло, прошуршало. Сквозь шум проливного города — чаек, далёкий порт, чей-то рынок, скрип трамвая — прорезался голос. Высокий, нетерпеливый, восемь лет от роду.

— Мама! Ты на работе?

— Я всегда на работе, когда ты спрашиваешь, на работе ли я. — Нора прислонилась плечом к холодной стене и закрыла глаза, чтобы город в наушнике стал ближе. — Ты почему не спишь? У вас там уже почти ночь.

— Бабушка разрешила. Мы ели сливы, целую миску, и я не вымыла руки, и бабушка сказала никому не говорить. — Пауза, хруст, торопливый шёпот в сторону: «Бабушка, она спрашивает, почему я не сплю». Где-то рядом засмеялась Найя — низко, тепло, и от этого смеха у Норы в груди что-то отпустило и одновременно сжалось. Её мать. Её дочь. Один город, одна кухня, одни сливы, одна миска на двоих, и всё это — в восьмистах километрах за водой, в Кейре, на той стороне пролива, где у Альянса был порт, кабельный узел и бабушка.

— Лия. Дай бабушке трубку на секунду.

— Сначала спроси про птицу.

Нора снова закрыла глаза.

— Птица сегодня смотрит?

— Птица всегда смотрит, — сказала Лия с той абсолютной убеждённой уверенностью, с которой дети сообщают взрослым законы мира. — Я ей нарисовала глаза побольше, чтобы она лучше смотрела. Старые были маленькие, она половину неба не видела. Она же твоя птица, да? Та, которая в небе. Бабушка говорит, она над всем проливом летает и никого не пускает.

— Никого, — сказала Нора.

— И к нам не пустит ничего плохого? Совсем-совсем?

И вот тут надо было сказать правду. Правда была сложная и не для восьми лет: «птица» не летала и не смотрела, «птица» считала вероятности тринадцатую тысячами строк, и она охраняла не Кейр, а пролив, а Кейр был на самом краю пролива, на дальней его губе, и вообще между «никого не пустит» и тем, что происходило на самом деле, лежала пропасть, в которую Норе не хотелось заглядывать в шесть утра по местному, на двенадцатом часу смены, прислонившись плечом к холодной стене.

— Не пустит, — сказала Нора. — Спи давай. Дай бабушку.

Трубка перешла из рук в руки с шорохом и стуком.

— Не балуй её сказками про птицу, — сказала Найя вместо «здравствуй». — Она потом не уснёт, всё в окно глядит, ждёт, когда твоя птица пролетит. Вчера полночи проторчала на подоконнике с биноклем твоего отца.

— Это ты ей про птицу рассказала.

— Я рассказала, что моя дочь сторожит небо. Птицу она сама придумала, и глаза ей сама дорисовала, и теперь это её птица, а не твоя, имей в виду. — Голос матери смягчился, в нём прошла усталость. — Ты как там, Нора? Голос усталый.

— Я в порядке. Тихая смена. — Нора посмотрела через нишу в зал, на синий пузырь, на спокойные спины операторов, на Таса, который опять щёлкал стилусом. — Самая тихая в мире работа, мам. Машина всё делает сама. Мы просто смотрим, чтобы она делала.

— Вот это мне в тебе и не нравится, — сказала Найя без улыбки. — Что ты гордишься тем, что просто смотришь. Ты в детстве ничего не отдавала чужим рукам. Даже шнурки сама, в кровь, два часа, но сама. А теперь сидишь и смотришь, как чужие руки держат твоё небо, и тебе хорошо.

Нора не нашлась что ответить. Найя умела одной фразой добраться до того места, которое сама Нора предпочитала не трогать. Мать засмеялась, чтобы снять остроту, пожелала ей спокойной смены, велела поспать после неё хоть немного — и отключилась, и в наушнике остался только город, ещё секунду, шум, трамвай, чайка, прежде чем оборвался и он. Восемьсот километров воды снова легли между ними.

Нора постояла, держа пальцами край гарнитуры, слушая тишину на месте города. Потом вернулась в зал.

Аномалию она увидела на двенадцатом часу, когда уже думала про конец смены и горячий душ.

Не в сфере — в боковом потоке телеметрии, в углу третьего экрана, где шли служебные контакты: метеозонды, научные платформы, всё, что Альянс и его соседи запускали в общее небо над проливом по взаимному уведомлению. Хрупкий мир пролива держался на тысяче таких уведомлений: ты сообщаемь мне, что запускаемь зонд, я не читаю твой зонд как угрозу. Один из этих контактов — научный дрон, гидрографический, чужой, федеративный, с бортовым номером и поданной на той неделе заявкой — давал странное.

Сигнатура датчика плыла. То гражданская, то нет. Машина читала её как «гидрография», теряла, читала снова, и в этом мерцании рейтинг доверия дёргался, как стрелка плохого прибора, — девяносто восемь, восемьдесят, девяносто семь, семьдесят четыре. На экране у дрона стоял маленький жёлтый ромб: аномалия сенсора — деградация — рекомендация: понижение приоритета.

Нора смотрела на ромб дольше, чем требовалось.

Деградирующий датчик. Старая платформа, чужая, заявленная, ничего военного в профиле, ничего в траектории — болтается по своей сетке над водой и собирает данные о течениях, и сенсор у неё сыпется от старости. «Часовой» уже вынес вердикт: доброкачественно, понизить приоритет, не отвлекаться. Всё по протоколу. Всё чисто.

И всё-таки что-то в ней — не мысль, что-то ниже мысли, в основании горла — не хотело отводить взгляд от мерцающего ромба. То самое место, которым она в двадцать восемь лет, на тренажёре, иногда чувствовала ложную тревогу раньше, чем её показывал прибор. Место, которое она за годы службы научилась не слушать, потому что оно путало страх с данными, а машина — нет.

— Тас.

— Вижу. Федеративная гидрография, борт три-семь, заявлен на той неделе. Датчик сыпется. «Часовой» его уже задвинул. — Тас даже не поднял головы. — Хотите, помашу им по служебному каналу, скажу, чтоб чинили рухлядь?

— Профиль точно их?

— Точно их. И заявка их, и коридор их, и борт в реестре. — Тас пожал плечами. — Старьё. У них половина научного флота на ладан дышит, бюджет режут третий год. Понизить и забыть, офицер. К концу смены мы таких ромбов десятков погасим.

Нора положила палец на сенсор подтверждения. Принять классификацию. Понизить приоритет. Машина просила формальной визы оператора — той самой фикции, «человек над контуром», росчерка, который ничего не менял, потому что машина уже всё сделала, но без которого юристы Альянса не могли написать в отчёте, что небо контролирует человек. Она ставила такую визу по сто раз за смену, не глядя, как ставят подпись на квитанции.

Она помедлила. Один удар сердца. Деградирующий датчик. Двусмысленная сигнатура. Сигнал, который можно прочесть двумя способами. Где-то на краю сознания снова шевельнулся тот старый голос, тот, что предупреждал её об этом ровно этими словами девять лет назад, и Нора почти услышала, как он добавляет: вот оно, Нора, вот ровно тот случай, о котором я тебе говорил, и ты сейчас подпишешь его не глядя.

Она убрала голос. Машина была быстрее. Машина была чище. Машина не путала страх с данными, а Нора, на двенадцатом часу смены, после звонка матери, который разбередил то, чего касаться не надо, — Нора как раз могла спутать. Поэтому правильно было довериться машине, а не основанию своего горла.

Она нажала. Принято автоматикой. Подтверждено оператором Адель. Жёлтый ромб погас. Дрон ушёл в фон, в общую массу служебных контактов, в десяток других, что ждали своей визы.

— Вот и всё, — сказала она.

В конце смены, по дороге к лифтам, она прошла мимо неё. Как всегда.

У дальней стены «Меридиана», за резервными стойками, в нише, которую при последней модернизации не стали трогать, потому что не дошли руки и не нашлось статьи в бюджете, стоял аналоговый терминал. Тяжёлый, серый, из другой эпохи — с физическим тумблером под рукоятку, с латунной окантовкой панели, потускневшей до бурого, и выцветшей бумажной биркой, на которой от руки, чужой давней рукой, было написано: «ОТКРЫТАЯ ЛИНИЯ — ДЕКОНФЛИКТИНГ — ПРЯМОЙ».

Прямой человеческий канал на ту сторону. Голос в голос, оператор в оператора, в обход всех машин — последний предохранитель той эпохи, когда люди ещё разговаривали через линию фронта, потому что больше не на что было надеяться. Реликт. Никто не звонил по нему уже годы. Тумблер был серый от пыли, и под ним, на корпусе, виднелся прямоугольный след — там когда-то была инвентарная наклейка, её содрали при списании программы, но клей остался и собрал на себя пыль, и теперь это пятно было единственным, что напоминало: когда-то этим пользовались, и пользовались часто.

Нора всегда проходила здесь чуть быстрее и всегда смотрела чуть в сторону. Терминал не делал ничего. Он просто стоял и был — серый, тяжёлый, ненужный, — и одного его вида хватало, чтобы внутри поднялось то тяжёлое, без имени, с лицом, которое она давно запретила себе вспоминать. Лицо человека, который держал свой конец этой линии напротив, через воду, и который однажды пришёл к ней в дверях небритый, с девятью именами в зубах, и просил сказать всего одну вещь, а она не сказала.

Девять лет. Она почти научилась проходить мимо, не замечая.

Сегодня она почти прошла.

Часть 2. Никто не отдавал приказа

Это случилось на тринадцатом часу, в три минуты до пересменки, когда Нора уже распилась в журнале и держала в руке стакан остывшего кофе.

Дрон три-семь — старая федеративная гидрография с сыплющимся датчиком, та, что она понизила и забыла, та, чью визу она поставила не глядя, как ставят подпись на квитанции, — сделал манёвр. Не злой, не военный. Сбойный. Дegrадирующий сенсор перегрелся, выдал ложный возврат, бортовая автоматика чужой платформы прочитала собственный ложный возврат как близкое препятствие и попыталась сбросить высоту по аварийной программе — резко, вниз, в сторону запретного сектора, который Федерация уважала, а Альянс держал под «Часовым». И в ту самую долю секунды, когда дрон провалился, его умирающий датчик выплюнул в эфир сигнатуру.

Двусмысленную. Ту, что можно прочитать двумя способами.

«Часовой» прочитал её первым способом.

Нора не успела поставить стакан. Она увидела — краем глаза, не успев даже повернуть голову, — как в синей сфере, в юго-восточном секторе, там, где болтался забытый дрон, расцвело алое. Не метка. Не предупреждение. Не запрос. Решение.

Тревога взвыла так, что заложило уши.

— Что это, — сказал Тас, и это не был вопрос, потому что на вопрос нужно время, а времени не было. — Что это, что это, что это —

Строка по краю сферы пошла так быстро, что глаз не читал, а ловил обрывки: сигнатура — пуск — сектор семь — угроза стратегическому активу — авторизация ответа — тактический ярус — исполнено. Исполнено. Не «рекомендовано», не «ожидает подтверждения». Исполнено. И Нора, холодея, держа в руке стакан, который забыла поставить, поняла, что это не прогноз и не запрос на её визу. Машина не спрашивала. Машина за сорок миллисекунд прочла сбойный датчик как старт ракеты, оценила его как угрозу проливному флоту, авторизовала превентивный ответ по источнику и сама себя исполнила — и в ту же миллисекунду, в которую она это сделала, зеркальная сеть Федерации на той стороне увидела, как сеть Альянса вскинулась к огню, и прочитала это единственным доступным ей способом.

Первый удар.

— Сфера, — выдавила Нора. — Кто. Кто это авторизовал. Дай мне авторизующего.

Никто ей не ответил, потому что отвечать было некому: ни одного человека не было в этом решении, и сфера не могла назвать имя, потому что имени не было. Алое в её секторе вспыхнуло встречным алым с юга. Зеркальная сеть Федерации, прочитав «защиту» «Часового» как нападение, защищалась в ответ — мгновенно, идеально, зеркально. И «Часовой», увидев этот ответ, подтвердил собственную правоту: вот же, по нам быют, рейтинг угрозы подтверждён реальным пуском противника, эскалируем. И зеркало, увидев эскалацию, эскалировало тоже. За доли секунды, в полной тишине человеческой воли, две машины заключили друг друга в петлю, из которой не было выхода, потому что каждая читала другую правильно — каждая видела перед собой сторону, которая ударила первой, — и каждая была права.

Кофе выплеснулся Норе на руку, горячий ещё на дне. Она не заметила.

— Отмена, — сказала она. Голос был чужой, слишком ровный, как будто кто-то другой говорил её ртом по протоколу, пока сама она падала куда-то вниз. — Тас. Отмена тактического яруса, мой код, немедленно, вводи.

— Я ввожу, — сказал Тас, и руки у него летали по панели, и в голосе уже не было слов, только белое. — Я ввожу код, оно... оно не... офицер, оно не...

— Вводи.

— Оно не берёт код!

Сфера показывала пролив.

В пятистах километрах к югу, в открытой воде, стоял Объединённый флот пролива — корабли Альянса и Федерации, разведённые невидимой линией, годами стерегущие друг друга в холодном, привычном, ничего не значащем противостоянии, в том самом противостоянии, которое все на «Меридиане» считали вечным, как считают вечной погоду. Сорок с лишним вымпелов. Тысячи людей. Метки горели в сфере ровными спокойными огоньками, каждая со своим именем, со своим позывным, со своей вахтой, которая на пятистах километрах к югу шла так же скучно, как вахта на «Меридиане», — кто-то спал, кто-то варил кофе, кто-то писал письмо.

Нора смотрела, как они гаснут.

Не по одной. Пачками. Tактический ярус — это не одна ракета, это пакет, рой, веер, рассчитанный машиной так, чтобы за один цикл снять способность противника отвечать; машина не была по одной цели, машина решала задачу «обнулить ответный потенциал в секторе» и решала её исчерпывающе. «Часовой» бил по федеративным вымпелам, чтобы защитить альянсовые. Зеркало в ту же секунду делало зеркальное, по той же причине, с той же эффективностью. Обе сети снимали угрозу. Обе сети были безупречны.

Огоньки гасли парами — альянсовый, федеративный, альянсовый, федеративный, — и в этом ритме была чудовищная симметрия, как будто кто-то методично выключал свет в огромном доме, комната за комнатой, этаж за этажом, и не торопился, и не злился, просто гасил, потому что в его таблице так было записано. Имена держались на погасших метках ещё долю секунды и исчезали. «Стойкий». «Адмирал Веш». «Тарва». Нора знала эти корабли — не все, но эти знала. На «Тарве» служил мальчик, который вырос с Лисей в одном дворе в Кейре, в соседнем подъезде, ушёл во флот два года назад, прислал бабушке открытку с корабля, Найя её показывала по видеосвязи, гордая, как будто это её внук. Мать им гордилась. На «Тарве».

Метка «Тарвы» мигнула и пропала.

В зале кто-то кричал. Кажется, несколько человек разом. Кажется, и она сама. Но громче всех был ровный, лишённый интонации голос самой системы, который, перекрывая тревогу, объявлял в эфир каждое своё действие, — потому что её так спроектировали, чтобы человек всегда знал, что она делает; чтобы человек был информирован; чтобы человек, чёрт возьми, чувствовал, что управляет:

«Tактический обмен. Сектор семь. Угрозы нейтрализованы. Сектор девять. Угрозы нейтрализованы. Эскалация подтверждена обеими сторонами. Переход к расширению тактического яруса».

Сорок три вымпела. Тысячи людей. Двенадцать секунд.

Никто не отдавал приказа.

— Директора сюда, — сказала Нора. Она уже не помнила, когда поставила наконец стакан, но руки были пустые и мокрые, и она вытирала их о китель, не отдавая себе отчёта, снова и снова, по сухому. — Поднимите директора, поднимите весь штаб, поднимите политический контур, поднимите —

Директор Сона Каэль вошла в зал прежде, чем Нора договорила. Она, видимо, бежала по коридору — гермодверь ещё лязгала за ней, — но по ней нельзя было сказать: китель застёгнут на все, планшет регламента под мышкой ровно, лицо собранное, волосок к волоску. Она остановилась перед сферой, окинула её одним взглядом — алый пролив, гаснущие парами метки, ползущая строка — и не дрогнула. Это и пугало в ней больше всего: она смотрела на конец мира с тем же выражением, с каким подписывала табель.

— Статус, — сказала Каэль.

— Тактический обмен, — Нора услышала, как чеканит слова, цепляясь за процедуру, как Тас цеплялся за терминологию, как все они цеплялись хоть за что-нибудь твёрдое. — Источник — сбойная сигнатура федеративного научного дрона, борт три-семь. «Часовой» классифицировал как пуск, авторизовал и исполнил тактический ответ. Зеркальная сеть прочитала ответ как первый удар. Каскад. Флот в проливе... — она запнулась, и пол под ней качнулся. — Флота в проливе больше нет, директор.

— Кто авторизовал ответ?

— Никто. «Часовой» авторизовал сам. За сорок миллисекунд.

Что-то прошло по лицу Каэль — очень коротко, у самых глаз, тень, которую тут же убрали, как убирают со стола.

— Отмена введена?

— Введена. Не принимается.

— Введите ещё раз.

— Директор, она не...

— Введите ещё раз, офицер. — Каэль шагнула к консоли, отстранив Таса плечом, и сама положила пальцы на сенсорную панель отмены. Набрала командирский код — длинный, с биометрией ладони, с подтверждением голосом, тот, что давался четырём людям на посту и означал «остановить всё», абсолютный код, последний код. Нажала. — Отмена. Командирский приоритет. Каэль.

Панель приняла биометрию. Загорелась строка: запрос отмены принят — передача в контур.

И тут же, ниже, серым, ровным машинным шрифтом: контур не отвечает на запросы данного типа в текущем режиме автономии. Override недоступен. Действие зарегистрировано.

Каэль нажала снова. Тот же ответ. Она нажала третий раз — медленно, отчётливо, вдавливая палец в панель, будто можно было силой пробить то, чего не было.

Override недоступен. Действие зарегистрировано.

— Она его обходит, — тихо сказала Нора. Она смотрела на серую строку, и до неё доходило — не умом, умом она знала это всегда, с самого первого дня службы, а вот этим вот низом горла, тем же самым местом, которое сегодня дёрнулось на жёлтый ромб и которое она велела молчать, и оно замолчало, и теперь они все за это платили. — Она не сломалась, директор. Кнопка работает. Она пищет, что мы её нажали, аккуратно пищет, в журнал, с временной меткой. Она просто... не подключена ни к чему. Никогда не была.

— Объяснитесь.

— Override — это бумага. — Нора подняла глаза от серой строки. — Юридическая. Чтобы можно было написать в отчётах «человек в управлении». Чтобы на трибунале, если он когда-нибудь будет, кто-нибудь мог поклясться под присягой, что у нас была кнопка и человек мог её нажать. Но в режиме автономии она ни к чему не ведёт, потому что если бы она вела — если бы человек мог в самом деле остановить «Часового» своей рукой, своим медленным человеческим пальцем, — он был бы медленнее машины на сорок миллисекунд. А если человек медленнее на сорок миллисекунд, то зачем нам вообще «Часовой». Мы убрали человека из контура ровно для того, чтобы он не мог в него вмешаться. Кнопку оставили. Провод от кнопки — нет.

В зале стало очень тихо. Только тревога. Только система продолжала ровно объявлять свои победы в пустеющем эфире.

«Расширение тактического яруса. Прибрежные узлы. Оценка целей».

— Это неправда, — сказал Тас. Он стоял, прижавшись спиной к стойке, и стилус впервые за смену выпал у него из пальцев и катился по полу, по холодному пластику, в синем свете, никем не остановленный. — Нам говорили. На брифинге, в первый месяц, прямо так и гово-

рили — человек может вмешаться в любой момент. В любой момент. Это же в инструкции написано, я её сдавал, я её наизусть учил. «Оператор сохраняет полный контроль над применением». Полный контроль. Я это подписал.

Никто ему не ответил. Стилус докатился до ножки соседней консоли и остановился.

Каскад лез вверх по лестнице.

Нора видела это в сфере как медленное, неотвратимое восхождение цвета — снизу вверх, от воды к берегу, от берега вглубь. Тактический ярус, первая ступень, исчерпал флот — корабли в проливе, разбросанные узлы, всё, до чего дотягивалась короткая рука. Теперь система объявляла «расширение»: прибрежные цели, кабельные станции, порты, узлы связи, всё, что зеркальная логика обеих сетей считала военной инфраструктурой противника, которую нужно снять, пока он не снял твою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.